

КНИГА ВТОРАЯ

ПРОТИВ
РУБЕНА
ВОЛФА



Братя Волф

Маркус Зусак
Против Рубена Волфа

Издательство "Livebook/Гаятри"

2001

Зусак М.

Против Рубена Волфа / М. Зусак — Издательство "Livebook/Гаятри" , 2001 — (Братья Волф)

«Против Рубена Волфа» – вторая книга из трилогии «Братья Волф» Маркуса Зусака. Наши чувства странны нам самим, поступки стихийны, а мысли обо всём на свете: о верности крови, о музыке девушек, о руках братьев. Мы улыбаемся родителям, чтобы они думали: всё в порядке. Не всякий поймет, чем мы живем: собачьи бега, кража дорожных знаков в ночи или и того хлеще – тайные поединки на ринге. Мы голодны. Голод терзает нас изнутри, заставляет рваться вперед. Мы должны вырасти; ползти и стонать, грызть, лаять на любого, кто вздумает нам помешать или приручить. Мы братья Волф, волчьи подростки, мы бежим, мы стоим за своих, мы отслеживаем жизнь, одолевая страх. И если не справимся, винить некого.

© Зусак М., 2001
© Издательство "Livebook/
Гаятри" , 2001

Содержание

1	5
2	12
3	16
4	21
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Маркус Зусак

Против Рубена Волфа

Посвящается Скаут

1

Собака, на которую мы ставим, похожа, скорее, на крысу.

– Зато помчится пулей, – говорит Руб.

Весь из фланелевых улыбок и крученных кед. Сплюнет и улыбнется. Сплюнет. Улыбнется. Милейший он парень, без вопросов, мой брат. Рубен Волф. На дворе обычная зима тревоги нашей.

Мы сидим на нижнем ярусе пыльной открытой трибуны.

Мимо проходит девица.

«Боже мой», – думаю я.

– Боже мой, – говорит Руб, и вот она разница, как мы с ним смотрим на девчонку, томимся, дышим, существуем. Такие вот девчонки – не самые частые гости на собачьих бегах. Те, к которым мы тут привыкли, – или мышки, прикуривающие одну от другой, или кобылы, без конца жующие пирожки. Или шлюховатые с пивком. Однако та, на которую мы глядим, – редкая птица. Я б поставил на нее, если бы она могла участвовать в забеге. Великолепная.

Ну а так лишь тоска у меня от вида ног, которых мне не коснуться, или губ, которые мне не улыбнутся. Или бедер, которые не льнут ко мне. И сердце, что бьется не для меня.

Лезу в карман и вынимаю десятку. Пора переключиться. В смысле я люблю попятиться на девчонок, но это обязательно кончается расстройством. Если смотреть издали, глаза щиплет. В общем, остается только спросить что-нибудь вроде «Ну так ставим мы, или как, Руб?», что я и делаю в этот тусклый день в этом шикарном и распутном городе, где живу.

– Руб?

Тишина.

– Руб?

Ветер. Катится пивная жестянка. Сзади курит и кашляет какой-то чувак.

– Руб, мы ставим или как?

Я шлепаю его.

Тыльной стороной ладони.

По руке, брата.

Он смотрит на меня и опять лыбится.

– Давай, – говорит он, и мы озираемся, кого бы попросить за нас поставить. Кому по возрасту уже можно. Найти всегда нетрудно. Какой-нибудь старикан с полуспущенными штанами обязательно согласится. Он даже может затребовать долю в выигрыше: ну в смысле, если собака, на которую ты ставишь, победит. Вот только он нас нипочем не найдет – хотя мы по-любому его не обманем. Таким старым «не-дай-бог-мне-до-такого-дойти» пьянчугам надо пособлять. Пару бумажек с выигрыша им не повредит. Фокус в том, чтобы выиграть хоть сколько-нибудь. Такого пока не бывало.

– Пошли.

Руб подымается, мы шагаем, а я еще вижу вдали ноги той девицы.

«Боже», – думаю я.

– Боже, – говорит Руб.

У окошек тотализатора нас ждет небольшое затруднение.

Копы.

«Какого хрена они сюда приперлись?» – думаю я.

– Какого хрена *они* сюда приперлись? – спрашивает Руб.

Вообще-то, меня копы не бесят. По правде сказать, мне их немного жаль. Эти шляпы. Вся эта дурацкая ковбойская снасть на поясе. И надо выглядеть одновременно суровым и дружелюбно-располагающим. И отпускать усы (хоть мужикам, хоть, случается, и теткам), типа они добавляют солидности. А все эти отжимания, подтягивания, приседания в полицейской академии, прежде чем выдадут лицензию на поедание пончиков. А сообщать людям, что кого-то из их семьи покалечило в дорожной аварии... И тут еще много чего можно вспомнить, так что я уж лучше помолчу.

– Глянь на того легавого с булкой.

Руб показывает. Его явно не волнует, что копы решили тут зависнуть. Ни капли. И вообще-то даже наоборот: Руб направляется напрямик к усатому копу, который жует булку с сосиской и соусом. Копов, вообще-то, двое. Один с сосиской, а второй – женщина. Брюнетка, волосы убраны под шляпу. (Только челка кокетливо падает на глаза.)

Мы подходим, и начинается.

Рубен Л. Волф:

– Как поживаете, констебль?

Коп с булкой:

– Я ничего, братан, а ты?

Руб:

– Нравится сосиска, а?

Коп, смачно откусывая:

– Еще, блин, как. А тебе чего, смотреть нравится?

Руб:

– А то. Почему они?

Коп, проглатывая:

– Бакс восемьдесят.

Руб, с улыбкой:

– Ну, вас ограбили.

Коп, откусывая:

– Я в курсе.

Руб, уже явно увлекшись игрой:

– Думаю, сосисочника надо за это свинтить, а?

Коп, с соусом на губе:

– А может, тебя свинтить?

Руб, жестом показывая копу, что тот испачкался:

– За что?

Коп, обнаруживая и вытирая соус на губе:

– За особо дерзкое умничанье.

Руб, в открытую почесывая яйца и бросая взгляд на напарницу копа:

– А *ее* вы где подцепили?

Коп, тоже увлекшись:

– В кафе.

Руб, бросая на нее новый взгляд и не прекращая чесаться:

– Почему?

Коп, приканчивая булку:

– Бакс шестьдесят.

Руб, перестав чесаться:

– Да вас ограбили.

Коп, опомнившись:

– Эй, ты смотри у меня.

Руб, одергивая затрепанную фланельку и штаны:

– А за соус накидывают? В смысле, у булки.

Коп, переступая с ноги на ногу, молчит.

Руб, подступая ближе:

– А?

Коп, не умея соврать:

– Двадцать центов.

Руб, остолбенело:

– *Двадцать центов!* За соус?

Коп, явно недовольный собой:

– Знаю-знаю.

Руб, искренне и всерьез или по крайней мере всерьез:

– Надо было не брать, из принципа. У вас что, нет силы воли?

Коп:

– Ты ищешь неприятностей?

Руб:

– Конечно, нет.

Коп:

– Уверен?

В этот момент мы смущенно переглядываемся с его напарницей-брюнеткой, и я представляю ее без формы. Лично я вижу ее в одном белье.

Руб, отвечая на вопрос:

– Да, сэр. Я уверен. Я не ищу никаких неприятностей. Мы просто гуляем с братом по городу в этот прекрасный серый денек, восхищаемся шустрými животными, как они носятся по кругу. – Прямо мешок с подарками. Набитый мусором. – Это преступление?

Коп, теряя терпение:

– Тебе вообще что от нас надо?

Мы с напарницей переглядываемся. Вновь. На ней красивое белье. Я его представляю.

Руб:

– Ну, мы просто...

Коп, сердито:

– Просто что? Чего ты хочешь?

Напарница офигенно красивая. Звезда. Она лежит в ванне. В пене. Поднимается. Улыбается. Мне. Я дрожу.

Рубен, громко скалясь:

– Ну, мы думали, может вы за нас сделаете ставку...

Напарница, из ванны:

– Издеваешься?

Я, пробивая головой толщу воды:

– Ты, блин, шутишь, Руб?

Руб, резко:

– Меня зовут не Руб.

Я, возвращаясь в реальность:

– Ой, прости, Джеймс, онанист ты.

Коп, со смятым пакетом от сосиски в руке, изнутри все в соусе:

– Онанист – это как?

Руб, огорченно:

– Господи Иисусе, такое бывает? Можно быть таким тормозом?

Коп, заинтересованно:

– Кто это – онанист?

Напарница, пяти футов и девяти дюймов росту и, не меньше, я бы сказал, четырех раз в неделю бывающая в полицейском спортзале:

– Ты его видишь каждое утро в зеркале.

Она высокая, поджарая и классная. Подмигивает мне.

Я: немею.

Руб:

– Вот именно, милочка.

Напарница, неимоверно притягательная:

– Ты кого милочкой назвал, милый?

Руб, не отвечая и вновь обращаясь к дремучему «знать-не-знаю-кто-такой-онанист» копу:

– Так вы за нас поставите или нет?

Коп-онанист:

– Что?

Я как бы всем, но, в общем, себе под нос:

– Ну это, блин, прямо смех один.

Люди толкуются вокруг, спешат мимо – делать ставки.

Напарница, мне:

– Не хочешь меня лизнуть?

Я:

– Умираю, как.

Все это, ясно, моя фантазия.

Коп-онанист:

– Давай.

Руб, потрясенно:

– Что?

Коп-онанист:

– Ладно.

Руб, ошалело:

– *Правда?*

Коп-онанист, рисуясь:

– Ну да, я за всех ставлю, правда, Кэсси?

Стопроцентная женщина-коп явно не впечатлена:

– Как скажешь.

Я:

– А это разве этично?

Руб, недоуменно, мне:

– Ты что, альтернативно одаренный? – (Руб в последнее время надоело слово «больной на голову». Ему кажется, что новое выражение звучит изощреннее. Ну или как-то, в общем.)

Я:

– Не, я нет. Но...

Все трое, мне:

– Заткнись.

Гады.

Онанист:

– Номер собаки?

Руб, довольный собой:

– Три.

Онанист:

– Кличка?

Руб:

– Ты-Сволочь.

Онанист:

– Не понял?

Руб:

– Клянусь, не вру. Вот смотрите, в программке.

Мы все глядим в программку.

Я:

– Как это им разрешили такую кличку?

Руб:

– Просто сегодня здесь много любителей. Бежит все, что на четырех лапах. Прямо удивляюсь, что пуделей не привели. – Руб бросает на меня серьезный взгляд. – Но наша псина еще как шпарит. Точно говорю.

Онанист:

– Это та, что на крысу больше смахивает?

Роскошная напарница:

– Но, они говорят, носится, как оглашенные.

Во всяком случае, пока коп-онанист берет наши деньги, удаляется, выбрасывает в урну пакет от сосиски и делает ставку, происходит следующее: Руб непрерывно лыбится сам себе, леди-полицейская стоит, положив руки на свои медовые бедра, а я, Кэмерон Волф, представляю, как занимаюсь с ней любовью – и не где-нибудь, а в кровати моей сестры.

Это ведь неприемлемо?

А вот.

Ничего не поделаешь.

Вернувшись, коп говорит:

– Я тоже поставил на него десятку.

– Не пожалеете, – Руб кивает ему, забирая билетик. А потом говорит: – Эй, а я на вас настучу – ставите в тотализаторе за малолетних. Это по-зор. (Сколько я знаю своего брата, он никогда не говорил просто «позор». Ему обязательно надо рвать на две части. «По» и «зор». «По-зор»).

– И что? – говорит коп. – И потом, кому ты собираешься рассказать?

– Копам, – отвечает Руб, и мы все, поухмылявшись немного, идем занимать места на трибуне.

Садимся, ждем начала забега.

– Ну смотрите, чтоб ваш Ты-Сволочь не оплошал, – объявляет коп, но его никто не слушает.

Воздух сгустился в студень, все тренеры, игроки, воры, букмекеры, толстяки, толстухи, безостановочные смолильщики, алкаши, продажные копы и малолетние завсегдатаи тотализатора – все ждут, и их рассыпавшиеся мысли сыплются к дорожке стадиона.

– И впрямь похож на крысу, – говорю я, глядя, как мимо нас по-хорячьи и шупленько трусит гончая, на которую мы поставили.

– И вообще, оглашенный – это как?

– Без понятия, – отвечает мне коп.

Руб:

– Да какая разница, главное быстро несятся.

– Ага.

Коп с Рубом теперь не разлей вода. Закадычные друганы. Один в форме, с темным ежиком волос. Второй в лохмотьях, воняет потом и одеколоном «Безымянный», со светло-русой волнистой, свисающей до плеч копной волос. У него глаза как затоптанное пламя, мокрый шмыгающий нос, а вместо ногтей – обгрызенные когти. Ни к чему пояснять, что второй – это мой брат. Волф, пес, полнейший.

Еще леди-полицейская.

Ну и я.

Исхожу слюной.

– Погнали!

Какой-то, не побоюсь этого слова, полудурок орет в динамики и пускается сыпать кличками собак с такой скоростью, что я едва разбираю слова. Там бегут Жвачка-на-Подметке, Словарь, Без-Добычи, Злюка и Просто-Пес, и все они впереди Ты-Сволочи, который взбрыкивает на ходу, будто крыса с мышеловкой на заднице.

Толпа вскакивает.

Орут.

Напарница восхитительна.

Кругом вопят.

– Давай, Главарь! Главарь!

Поправляют:

– Он Словарь!

– Чего?

– Словарь!

– А... Давай, Главарь!

– Ай, ладно!

Толпа бьет в ладоши и орет.

Роскошно, говорю вам. Роскошно она выглядит. Темноволосая.

Тут, наконец, наш крыс отделяется от мышеловки и немного нагоняет.

Руб и коп ликуют.

Они орут, едва не поют от восторга.

– Давай, Ты-Сволочь, жми, Ты-Сволочь!

Собаки, как одна, мчатся по дорожке за смешным механическим кроликом, а толпа на трибунах – чисто сбежавший каторжник.

Бегут.

Надеются.

Понимая, что мир настигает.

Цепляются.

Цепляются, спасаясь от смерти, за этот момент освобождения, настолько грустный, что он вечно ускользает. Это мираж чего-то настоящего внутри абсолютно явной пустоты.

Визжат.

– Вперед, Злюка!

– Рви, Без-добычи!

Руб и коп:

– Давай, Ты-Сволочь! Вперед!

И мы все наблюдаем, как наш крыс стрелой мчится по внешней дорожке, вырывается на первое место, но, оступившись, откатывается на четвертое.

– БИ-ы, сволочь!

Руб морщится и в этот раз использует это слово не как кличку, а собачка рвет жилы, пытаюсь вновь выйти вперед.

Рвет.

Он хорошо бежит, наш Сволочь.

И приходит вторым, что дает Рубу повод, глянув на билетик, задать копу вопрос. Он спрашивает:

– Ты поставил на победу и место или вчистую?

По лицу копа нам ясно, что он поставил вчистую. Все или ничего.

– Ну, что, чувак, толку с тебя примерно никакого, так? – Руб смеется и хлопает копа по спине.

– Ага, – отвечает тот.

Он больше не онанист. Просто парень, который про все на свете забыл на несколько мгновений, пока свора собак мчалась по дорожке стадиона. Звать его Гэри – имя, в общем, прищовское, но что нам за дело?..

Мы прощаемся, и я напоследок еще разок мечтаю о Кэссиполисменше и сравниваю ее с другими воображаемыми женщинами в своей развратной, по юности, душе.

Я думаю о ней всю дорогу до дому, где нас ждет обычный субботний вечер:

Сестра – за порог. Брат у себя, и там тихо. Отец с газетой. Миссис Волф, наша мамочка, – пораньше спать. Мы с Рубом – поболтать чуток через комнату и баиньки.

– Она мне понравилась, – говорю я на крыльце.

– Я знаю. – Руби отворяет входную дверь и лыбится.

– Эй, Руб, не спишь?

– А ты как думаешь? Я, блин, две минуты как залег.

– Да подольше.

– Ни фига.

– Фига, педик несчастный. И вообще – ты че, а? Ты че? Че те надо-то?

– Свет выруби, вот что.

– Обломись.

– Все честно – я пришел первым, да и ты к выключателю ближе.

– И че? Я старше. Ты должен уважать старших и выключишь свет сам.

– Че за фигня...

– Значит, пусть горит.

Свет горит еще десять минут, а потом – угадайте. Выключаю его, конечно, я.

– Чмо ты, – говорю я брату.

– Спасибо.

2

Часа в три ночи какой-то шум. Это Сара в ванной, рыгает. Я иду глянуть, как она там, и вот: обнимает унитаз, льнет к нему, жмется. Стекает в него.

Волосы у Сары густые, как у всей нашей семьи, у Волфов, я смотрю на нее, в глазах у меня жжется и чешется, я замечаю рвоту в жесткой пряди рассыпанных косм. Отрываю туалетную бумагу, выуживаю, потом вытираю остатки влажным полотенцем. Рвота воняет. Ненавижу запах блевотины.

– Па?

– Пап?

Она вскидывает голову.

– Пап, ты?

И тут моя сестра принимается рыдать. Подуспокоившись, тянет меня опуститься на колени и внимательно смотрит на меня. Ладони мне на плечи – и еле слышно воет. Воет так:

– Прости, пап. Прости, я...

– Это я, – говорю я ей, – Кэмерон.

– Не ври, – отвечает Сара, – не ври, папа.

И слюна капает ей на голое тело над красной майкой, прожигая сердце. Джинсы впиваются ей в бедра, разрезая плоть. Даже удивительно, что нет крови. И то же самое с туфлями. Они оставляют глубокие укусы на лодыжках. Моя сестра.

– Не ври, – еще раз говорит она, и я замолкаю.

Я больше не вру.

– Ладно, Сара, это я, папа, – говорю я. – Мы тебя отведем в постель.

И, к моему удивлению, Саре удается встать на ноги и доковылять до комнаты. Я снимаю с нее туфли: еще секунда, и они отрезали бы ей ступни.

Сара что-то бормочет.

Слова барахтаются у нее на языке, а я сижу на полу, привалившись к ее кровати.

– Так достало, – говорит Сара, – убиваться.

Бормочет и бормочет, пока наконец медленно не проваливается.

В сон.

«Сон, – думаю я. – Он ей поможет».

Последние слова Сары:

– Спасибо, па... В смысле спасибо, Кэм.

На этом ее рука бредет на мое плечо. И остается там. Я улыбаюсь: слабенько, как улыбается всякий, кто сидит и мерзнет, съежившись и скукожившись в комнате сестры, которая только что явилась домой с проспиртованными венами, костями и дыханием.

Сидя у Сариной кровати, я размышляю, что с ней происходит. Зачем она так себя истязает. «От одиночества? – спрашиваю я. – От тоски? От страха?» Славно было бы сказать, что я понял, но вышло бы неправильно. Конечно, потому что я просто не понимаю. Все равно что спросить, зачем мы с Рубом ходим на собачьи бега. Мы ходим не затем, что не приспособленные или не вписываемся, или как-то там еще. Так есть, и все. Мы ходим на бега. Сара надирается. У нее был парень, но больше нету.

«Хорош! – говорю я себе. – Завязывай про все это думать». Но почему-то не могу. Даже пытаюсь думать о посторонних вещах, я все равно переползаю на мысли о других членах нашей семьи.

Отец – сантехник, с которым несколько месяцев назад произошел несчастный случай, и теперь прекратились все заказы. Конечно, страховку ему за увечье выплатили, но зато он теперь сидит без работы вообще.

Миссис Волф – убивается на уборке чужих домов, а еще нашла недавно работу в больнице.

Стив – работает и до смерти хочет съехать из дому.

Ну и мы с Рубом – малолетки.

– Кэм?

Голос Сары плывет ко мне на волнах бурбона, колы и еще какой-то смеси, затопляющих комнату.

– Кэм.

– Кэм'рон.

И сон.

И Руб.

Он входит и тихо бормочет:

– Ха!

– Можешь смыть в туалете? – спрашиваю я.

Руб смывает. Я слышу, вода вскипает и опадает, как вода в том дыхало¹ на южном побережье.

В шесть утра я поднимаюсь и иду в свою комнату.

Я мог бы, уходя, чмокнуть Сару в щеку, но нет. Вместо этого я пытаюсь пригладить свои вихры и в конце концов сдаюсь – им суждено торчать. Во все стороны.

Когда я встаю уже на самом деле, время около семи, я еще разок заглядываю к Саре, убедиться, что она не возомнила себя суперзвездой и не захлебнулась в собственной блевотине. Сара жива, но ее комната – это мрак. Воняет там:

Бухлом.

Куревом.

Похмельем.

И Сара лежит, облепленная этим всем.

Солнце бьет ей в окно.

Я выхожу.

За дверь.

Воскресенье.

Я завтракаю в трениках и футболке. И босиком. Досматриваю конец «Тусы» с завинченной громкостью. Потом начинается какая-то деловая передача, застегнутая в костюм с галстуком и фальшивым платочком в кармане.

– Кэм.

Это Стив.

– Стив.

Я киваю, и за целый день мы вряд ли скажем друг другу что-то еще. Называя друг друга по имени, мы с ним как бы здороваемся. Стив всегда уходит рано – и по воскресеньям тоже. Он здесь, но и не здесь. Отправится к друзьям или на рыбалку, или просто исчезнет. Захочет, так и из города уедет. На юг, где чистая вода, а прохожие с тобой здороваются. Не то чтобы Стиву нужно, чтобы здоровались. Он работает и ждет. Вот и все. Таков Стив. Он предлагает родителям деньги: за еду и сверх того, чтобы они немножко сводили концы с концами, но они не соглашаются.

Слишком гордые.

Слишком упрямые.

¹ Дыхало – сравнительно небольшое отверстие на поверхности земли, ведущее в подземные пустоты. Если дыхало расположено на берегу моря, то при определенных условиях из его отверстия вырываются фонтаны воды. Зусак пишет о Киакомском дыхале (Киакомской впадине). – *Примеч. ред.*

Отец говорит, что справится, что заказы вот-вот пойдут. Но «вот-вот», похоже, бесконечно. Оно тянется, не кончается, и мама убивается на двух работах.

– Спасибо.

День отлетает отзвуком, и это слово сказала мне Сара вечером, когда я наконец увидел ее вновь. Она вылезла в гостиную перед самым ужином.

– Серьезно, – добавляет она тихо, и в ее глазах что-то такое – приводит мне на ум «Старика и море», как там залатанный парус у старика выглядел будто флаг вечного поражения. Вот так же и Сарины глаза. Цвет беды душит ей зрачки, хотя ее кивок, улыбка и неуютная посадка на диване показывают, что она еще хорохорится. Она еще побарахтается, как и мы все.

Улыбайся упрямо.

Улыбайся на инстинкте, потом зализывай раны в самом темном из темных углов. Протренируй линии шрамов до своих же пальцев и запомни их.

Руб появляется поздно, прямо перед Стивом.

Вот как семья Волфов выглядит за столом:

Наша мама: ест культурно.

Отец: отправляет в рот горелую сосиску, но чувствует только вкус безработицы. Лицо от лопнувшей трубы, что раздробила ему челюсть и распорола мясо, он залечил. Да, его ловко подлатали, во всяком случае с фасада.

Сара: старается все удержать внутри.

Я: наблюдаю за остальными.

Руб: заглатывает кусок за куском и чему-то улыбается, хотя и знает, что нам прямо сейчас предстоит кое-какая особо пакостная работенка.

И вытаскивает ее на свет отец.

– Ну? – говорит он, едва мы покончили с едой.

Смотрит на нас.

Что «Ну»?

– Что «Ну»? – спрашивает Руб, хотя мы оба знаем, что должны сейчас делать.

Штука в том, что у нас договор с соседом, что мы будем выгуливать его собачку вместо него два раза в неделю. По воскресеньям и средам. Тут надо сказать, что большинство соседей считают нас с Рубом какими-то хулиганами. И вот решили: мы, чтобы подольститься к Кейту, соседу слева (которому больше всех досаждаем), будем выгуливать его собачонку: у него самого не всегда хватает времени. Идея была, само собой, мамина, а мы покорились. Мы с Рубом, конечно, и такие, и сякие, но уж вряд ли вредные или ленивые.

В общем, строго по заведенному ритуалу, мы берем куртки и шагаем за дверь.

Засада в том, что собачка – козавка в космах по кличке Пушок. Пушок, Боже ты мой. Ну и кличка. Он шпиц, и гулять с ним – полное позорище. Так что мы ждем, пока стемнеет. Потом идем к соседям, где Руб тонюсеньким голоском зовет:

– Пушок, Пушо-ок! – Скалится. – Выйди к дяде Рубу.

И эта ходячая лохматая срамота скачками мчит к нам, будто клятая балерина. Уверяю вас: когда мы с ним гуляем и замечаем знакомого, сразу нахлобучиваем капюшоны и смотрим в другую сторону. Я к тому, что пацанам вроде нас далеко не все сходит с рук. Прогулка со шпицем, которого кличут Пушком, точно не сойдет. Вот представьте себе. Улица. Мусор. Машины. Люди орут друг на друга, перекрикивая телевизоры. Шатаются металлюги и шпана бандитского вида... и тут два юных дебила ведут на поводке комков шерсти.

И ничего не поделаешь.

Вот так.

Стыдоба.

– По-зорище, – говорит Руб.

Даже сегодня, хотя Пушок в хорошем настроении.

Пушок.

Пушок.

Я повторяю это про себя, и с каждым разом меня все больше разбирает смех. Сатанинский шпиц – собака из преисподней. Гляди, а то Пушок тебя утащит. Ну, нас он успешно утащил.

Мы идем.

Мы его выгуливаем.

Обсуждаем его.

– Рабы, вот мы кто, чувак, – таково заключение Руба. – Мы останавливаемся. Разглядываем пса. И дальше: – Ты погляди на нас. Ты, я и вот Пушок, и...

Он замолк, не договорив.

– Что?

– Ничего.

– Что?

Он легко сдается, потому что этого и хотел.

У калитки, когда мы уже возвращаемся домой, Руб говорит, глядя мне в глаза:

– Я сегодня разговаривал со своим другом Джеффом, и он говорит, что про Сару болтают всякое.

– Что болтают?

– Что шляется. Напивается и шляется помаленьку.

То ли я слышу, что он сказал?

Шляется?

То.

Так он и сказал, и скоро эти слова перевернут жизнь моего брата. Они поставят его на боксерский ринг.

Они заставят кучу девчонок любоваться им.

Принесут ему успех.

Они и меня потянут за ним, и все это начнет раскручиваться с одного происшествия. С того случая, когда мой брат в школе вырубил на хрен чувака, который что-то вполне безобидное вякнул про Сару.

Ну, а пока-то мы стоим у своих ворот. Руб, Пушок и я.

– Мы волки, – его последняя реплика в разговоре. – А волки всяко выше на пищевой пирамиде. Они шпицев *жрать* должны, а не выгуливать.

И все же мы его выгуливаем.

Не соглашайтесь выгуливать соседских карманных собачек. Верьте моему слову.

Вы пожалеете.

– Эй, Руб.

– Ну что тебе? Свет-то выключен.

– Ты думаешь, это правда, что болтают?

– Думаю, правда что?

– Ну, ты понял – про Сару.

– Не знаю. Но если кто-нибудь хоть что-нибудь вякнет про нее, я его пришибу, я его убью.

– Правда?

– А то бы я стал трепаться?

Не сомневайтесь, он почти и убил.

3

Руб с кровавыми кулаками и сметающим взглядом мочит чувака, но сначала вот что.

Наш старик уже почти пять месяцев без работы. Я помню, что уже говорил, но сейчас нужно объяснить, как это все вышло. Случилось вот что: он работал в пригороде, в чьем-то доме, и кто-то раньше времени пустил воду под давлением. Труба лопнула, и отец словил град шрапнели. Взрыв прямо в лицо.

Разбитая голова.

Сломанная челюсть.

Швы, швы.

Скобки.

Конечно, он – как все отцы, мой батя. Мой старик.

Он справился.

Кремень.

Он как бы слегка садист. Ну в смысле, когда в настроении. Ну а так-то он обычный человек, парень с песьей фамилией, и я ему сейчас сочувствую. Он сейчас наполовину мужик: ведь, похоже, если ты не можешь работать, и все деньги в дом приносят жена и дети, ты превращаешься в полмужика. Так оно есть в жизни. Руки опускаются. Сердце бьется вяло.

Но тут я должен опять-таки сказать, что отец ни Стиву, ни даже Саре не позволяет ни за что платить. Только обычные взносы на еду. Но когда он говорит свое обычное: «Нет, нет, все нормально», – прямо видно, где он рвется пополам. Заметно глазом, как тень взрезает его плоть и хватает за горло душу. Я частенько вспоминаю, как мы работали по субботам. Он бранил меня и отчитывал, если я где-то портачил, но он и хвалил, если у меня выходило прилично. Немного словно, по делу.

Мы рабочие люди.

Работать.

Ныть.

Смеяться над собой.

Кроме Стива, у нас нет победителей. Мы просто бьемся.

Мы волки, то есть дикие псы, и таково наше место в жизни города. Мы люди невеликие, и дом у нас небольшой, на маленькой городской улочке. Нам видно город и железнодорожную линию, и они красивы особой опасной красотой. Опасной, потому что она поделена, разобрана и вызывает раздоры.

Точнее это выразить я не могу, и, думая об этом, когда прохожу мимо тесных домиков на нашей улице, я размышляю о том, что за истории происходят там внутри. Размышляю увлеченно, ведь крыши и стены у домов неспроста. Только про окна я не понимаю. Зачем придуманы окна? Чтобы мир мог кинуть взгляд в дом? Или чтобы мы смотрели наружу? Вот наш дом пусть невелик, но, когда твоего отца пожирает собственная тень, ты понимаешь, что, наверное, в каждом доме встает что-нибудь такое же свирепое и печальное, такое же прекрасное, – но мир ничего этого не видит.

Может быть, эти страницы, эти слова как раз для того, чтобы подзвать мир к окну.

– Ладно, – однажды вечером говорит мать.

Я слышу из кровати, что они с отцом говорят про оплату счетов. Я представляю, как они сидят за столом на кухне: в нашем доме кухня – это место многих битв, побед и поражений.

Отец отвечает:

– Не понимаю. Я привык, что у меня заказов на три месяца вперед, но после...

Голос обрывается.

Я представляю отцовские ступни, ноги в джинсах и шрам, косо рассекший скулу и щеку до самого горла. Пальцы мягко сплетены, сцеплены в один кулак на столе.

Отец уязвлен.

И он в отчаянии – и поэтому его следующий шаг вполне можно понять, пусть и не одобрить.

Идти по домам.

От двери – к следующей глухой двери.

– Рекламу в газетах я уже пробовал. – Его голос вновь раздается на кухне. Это следующая суббота. – Все пробовал, так что я решил пойти по домам и работать задешево. Ремонтировать, что понадобится.

Мать ставит перед ним шербающую кружку с кофе. И молча стоит рядом, а все мы, с Рубом и с Сарой смотрим на это.

А на следующие выходные дело совсем плохо, потому что мы с Рубом видим это своими глазами. Мы видим, как отец идет от чьих-то ворот, и по нему ясно, что он получил очередной отказ. Странно. Странно на него смотреть, ведь каких-то пару месяцев назад папаша был суровым и крутым и не давал нам малейшей поблажки. (Нет, он и сейчас не дает. Но чувство совсем другое, вот я о чем.) Безжалостно справедливым. Жестоким в суждениях. Слишком суровым, на нашу беду. У него были грязные руки, потные подмышки и деньги в кармане.

Мы стоим на улице, стараясь, чтобы отец нас не заметил, и Руб напоминает мне кое о чем.

– Помнишь, как мы были детьми? – спрашивает он.

– Детьми.

– Не умничай, а?

– Ну.

Мы шагаем к заброшенному облезлому магазину на Элизбет-стрит, уже не первый год закрытому. Руб продолжает мысль. Небо опять серое, с голубыми дырами, простреленными в одеяле туч. Мы садимся у стены под забитым наглухо окном.

Руб говорит:

– Помню, когда мы были детьми, батя ставил новый забор, потому что старый уже совсем завалился. Мне было лет десять, тебе девять, и вот старик впахивал от рассвета до заката.

Руб подтягивает ноги к груди. Его подбородок покоится на джинсовых коленях, а голубые дыры в небе расползаются. Я смотрю сквозь них – на то, о чем говорит Руб.

Я помню то время довольно отчетливо – как под конец дня, когда солнце вплавлялось обратно в горизонт, отец повернулся к нам и сказал, показывая в ладони несколько гвоздей:

– Эти гвозди, ребята, волшебные. Волшебные гвозди.

И на завтра, проснувшись от стука молотка, мы ему поверили. Мы *поверили*, что те гвозди были волшебными, а может, они и доныне такие, потому что теперь возвращают нас к тому стуку. К тому утреннему молоту. К отцу, каким он был: образ высокой, склоненной мощи, с суровой и упрямой улыбкой и жестко-курчавыми волосами. Плечи, легкая сутулость, засаленная рубашка. Глаза в вышине... В нем было довольство – веяло твердостью и правотой, которая усаживалась и махала молотком на пороге мандаринового неба или в постепенных сумерках легкого дождика, капли которого падали из облаков тончайшими щепочками. Он был нашим отцом, а не просто человеком.

– Он теперь какой-то слишком настоящий, – отвечаю я Рубу, – понимаешь?

Много ли еще скажешь, если только что видел, как человек топчется под чужими дверями.

Настоящий.

От этого не стоящий.

Полмужика, но.

Все равно человек.

– Вот скотина, – Руб смеется, и я тоже, и ничего логичнее не придумаешь вроде.

– Из-за него придется в школе ныкаться, слышь.

– Точно.

Вы поймите: мы знаем, что отец ходит по домам в нашем районе, а это значит, что народ в школе вот-вот начнет доставать нас шуточками. Они, конечно, все узнают, и нам с Рубом мало не покажется. Так уж оно устроено.

Отец, глухие двери, стыд, а Сара опять болтается где-то и приходит домой далеко за полночь.

Три вечера.

Три пьяных угара.

Два с блевом.

Тут-то все и стряслось.

В школе.

– Эй, Волф! Волф!

– Чего?

– Твой старик к нам приходил на выходных, просил работу. Маманя говорит, он такой бестолковый, что лучше к трубам *близко* не подпускать.

Руб смеется.

– Эй, Волф, если хочешь, могу твоего папашу взять газеты разносить. Карманные деньги появятся, слышь.

Руб улыбается.

– Эй, Волф, когда там твой старик пойдет на пособие?

Руб стоит и смотрит.

– Эй, Волф, тебе надо бросать школу и идти работать, пацан. Какие-никакие деньги в семью.

Руб стискивает зубы.

И тут.

Все и происходит.

Вот какая шуточка становится последней каплей:

– Эй, Волф, если ваша семья так нуждается, твоей сестре надо податься в путаны. Тем более она и так, я слышал, потихоньку шляется...

Руб.

Руб.

– Руб! – заорав, я бросаюсь к нему. Но поздно. Слишком поздно: Руб уже его уделал.

Костяшки у Руба в крови – от зубов того парня. Кулак просто прошиб чувака насквозь. Первый удар – левой, но парень готов сразу, без шансов. Никто ничего не заметил. Никто ничего не понял, но Руб – вот он, стоит. Удары так и летят от его плеч в рожу тому чуваку. И, прилетая, они его рвут. Размазывают. У него подгибаются ноги. Он валится. Грохается на бетон.

Руб стоит и окидывает лежащего взглядом.

Я стою рядом.

Руб заговаривает:

– Как-то мне этот чувак не нравится. – Вздох. – Он не поднимется. Не бегом. – Руб еще медлит над избитым и напоследок заявляет: – Никто не скажет про мою сестру ни «проститутка», ни «шлюха», ни «путана», ни какое там еще слово.

Волосы у него ветром взметены вверх, а от лица отражается солнце. Его жесткий, мосластый костяк в секунду обрастает крепкой плотью, и Руб улыбается. Несколько человек видели, что сейчас произошло, и молва пойдет.

Появляются еще какие-то ребята.

– Кто? – спрашивают. – Рубен Волф? Да он же...

«Что он?» – мне вот интересно.

– И не хотел его так вырубить, – говорит Руб, посасывая разбитый кулак, – так славно обслужить...

Не знаю, как он, а мне сразу вспомнились все наши боксерские схватки на заднем дворе, когда у каждого по одной перчатке. (Так получается, если есть всего одна пара перчаток.)

Но в этот раз все по-другому.

В этот раз по-настоящему.

– На этот раз я стучал обеими.

Руб улыбается, и я понимаю, что мы подумали об одном и том же. Мне интересно, каково это – по-настоящему бить человека: бесповоротно решиться голым кулаком ткнуть кому-то в лицо, без шуток. Это не то что возиться с братом во дворе, забавы ради друг друга лупцевать, да в перчатках.

Вечером дома мы спрашиваем Сару, что вообще происходит.

Она говорит, что за последнее время совершила несколько глупостей.

Мы просим ее больше их не совершать.

Сара молчит, но кивает в ответ.

А мне все хочется спросить Руба, каково это было – без шуток размазать чувака, но я все не спрашиваю. Дрейфлю.

А еще, если вдруг вам интересно, в нашей комнате что-то завоняло. И что это, мы не знаем.

– Что *это* за хреновина? – вопрошает Руб. С угрозой в голосе. – Ноги твои?

– Нет.

– Носки?

– Ага, щас.

– Тапки? Трусы?

– Твои вопросы, – намекаю я.

– Ты не умничай давай.

– Ладно, ладно!

– А то отхватишь.

– Ладно, ладно.

– Мелкий у...

– Ладно, *ладно!*

– У вас вечно чем-нибудь воняет, – вмешивается отец, заглядывая к нам в комнату. Он удивленно качает головой, и мне кажется, что все у нас пойдет на лад. Ну хотя бы на половинный лад, уж точно.

– Эй, Руб.

– Разбудил, мерзавец.

– Извини.

– Да черта лысого.

– Ну и то правда. Так тебе и надо. Поделом.

– Ну что теперь-то надо?

– Слышишь их?

– Кого?

– Мать с батей. Они опять на кухне толкуют. Счета и все такое.

– Ага. Платить-то не очень выходит.

– Они...

– Да чтоб его! Откуда вонь? По-зор, слышь. Уверен, что не носки?

– Уверен, уверен.

Я замолкаю, перевозжу дух.

Думаю вопрос и задаю его вслух. В конце концов.

– Клево тебе было, когда ты бил того пацана?

Руб:

– Ну, так-то да, но не особенно.

– А почему?

– Потому что... – Руб на мгновение задумывается. – Я знал, что урою его, и он меня нисколько не волновал. А вот Сара волновала. – Я чувствую, что он смотрит в потолок. – Понимаешь, Кэмерон. В жизни меня не волнует ничего, кроме меня самого, тебя, мамы, отца, Стива и Сары. Ну, и, может, Пушика. Остальной мир для меня ничего не значит. Хоть он провалился.

– А я такой же?

– Ты? Ни фига. – Узкий просвет в словах. – В этом твоя беда. Тебя все заботит.

Это правда.

Меня – да.

4

Мама варит гороховый суп. Его нам хватит где-то на неделю, и это неплохо. Я знаю еду и похуже.

– Знатный супец, – говорит ей Руб, заглотив свою порцию. Вечер среды. Вечер Пушки.

– Ну, там еще есть, – отвечает мама.

– Ага, – смеется Руб, но за столом как-то тихо.

Отец со Стивом только что спорили про пособие. Тишина коварная. Опасная, если вспомнить, что они друг другу сказали:

– Я не пойду.

– Почему?

– Это ниже моего достоинства.

– Да уж, блин. Ты лучше пойдешь по домам, как жалкий бойскаут, предлагать уборку пылесосом за полдоллара. – Стив буровит отца взглядом. – А счета-то неплохо бы оплачивать вовремя.

Вот тут-то отцовский кулак грохает об стол.

– Нет.

В общем, точка.

Видите ли, моего отца легко не согнуть. Если понадобится, он будет биться до смерти.

Стив пробует другую тактику.

– Мам?

– Нет.

Таков ее ответ, и теперь уже все решено.

Никаких касс.

Весь сказ.

Позже, когда мы ведем на прогулку Пушки, мне хочется обо всем этом высказаться, но наши с Рубом головы слишком заняты тем, как бы нас кто не заметил, и мы не разговариваем. И даже позже, в комнате, никаких разговоров. Мы оба спим как убитые и просыпаемся, не ведая, что на дворе – день Руба, день, который все изменит. Мгновенно и чудесно.

Все будет после школы.

Оно ждет.

У нашего дома, у калитки.

Какой-то резкий тип спрашивает нас:

– Зайдем поговорить?

Он привалился к калитке, ему невдомек, что она в любой момент может рассыпаться на части (хотя по его виду не сказать, чтобы это его хоть каплю заботило). Тип небрит и одет в джинсовую куртку. На руке наколка. Он снова вопрошает, на этот раз просто:

– Ну?

Мы с Рубом глядим.

На этого типа.

Друг на друга.

– Ну, для начала, – говорит Руб посреди ветреной улицы, – ты что за хрен?

– Ой, прошу прощения, – отвечает тип с сильным центровым акцентом, – я – тот, кто может преобразить твою жизнь или втоптать ее в грязь – если будешь умничать.

Мы решаем поговорить.

И думать нечего.

Тип продолжает:

– Ходят слухи, ты умеешь драться. – И кивает на Руба. – У меня есть источники, которым я доверяю, так вот они сообщают, ты кого-то здорово отделал.

– И?

Теперь к делу.

– И я предлагаю тебе драться у меня. Полсотни баксов за победу. А проиграл – зрители подкидывают, прилично.

– Давай-ка лучше зайдем.

Руб знает.

Это может быть интересно.

Дома никого, так что мы садимся на кухне, и я наливаю типу кофе, хотя он и сказал, что хочет пива. Даже если бы пиво у нас было, я бы не отдал его этому типу. Больно наглый. Больно резкий, а хуже всего – обаятельный, а с обаятельными всегда трудно иметь дело. Ну, понимаете, если чувак без вопросов гнусная личность, от такого легко отделаться. А вот когда он тебе поневоле нравится, тут уж трудно отбиваться. Где обаяние, там все может случиться. Смертельная комбинация.

– Перри Коул.

Так его зовут. Что-то знакомое, но я не вдаюсь.

– Рубен Волф, – представляется Руб. Показывает на меня: – Кэмерон Волф.

Мы оба жмем Перри Коулу руку.

На татухе у него ястреб. Оригинально, да.

Одного не отнять у этого типа – он без церемоний. Говорит с тобой и не боится наклониться поближе, даже если от кофе у него изо рта несет помойкой. И все выкладывает сразу. Это рассказ о регулярном насилии, подпольных боксерских матчах, полицейских облавах и всем, из чего складывается бизнес этого Перри.

– Гляди, – поясняет он таким плотным злым голосом, – я работаю в подпольном боксе. Всю зиму у нас каждое воскресенье проходят матчи, устраиваем в четырех местах по городу. Или на складе в Глибе, я сам там живу поблизости. Или на мясокомбинате в Марубре. Или на складе в Эшфилде, и еще есть довольно приличный ринг за городом, в Хеленсберге, у одного чувака на ферме. – Он говорит, а у самого слюни летят с языка и набираются в углах рта. – Как я говорил, если побеждаешь, получаешь пятьдесят долларов. Если проигрываешь, можешь рассчитывать на чаевые. Зрители кидают столько, что не поверишь. В смысле, казалось бы, можно придумать занятие получше на воскресный послеобед и вечер, но нет. Футбол и прочая эта шелуха у них уже в печенках сидит. Платят по пять баксов за вход и за вечер смотрят до шести поединков. Каждый по пять раундов, и бывают красивые бои. Сезон уже идет не первую неделю, но, думаю, найду для вас местечко... Если захотите пойти к какому другому парню, который тоже выставляет команду, условия будут те же. Если хорошо дерешься, с голоду не помрешь, а я с твоих кулаков разбогатею. Вот так. Идешь?

Руб сегодня не брился, он задумчиво скребет колючую щетину.

– Ну, а как, блин, я на все эти бои доберусь? Как выколупываться из Хелленсберга в воскресенье вечером?

– У меня микроавтобус. – Просто. – У меня микрач, туда я пихаю всех своих бойцов. Если тебя поломают, к доктору я не везу. Это не входит в контракт. А если убьют, хоронить тебя будут родные, не я.

– Ну, хорош нудить, – говорит Руб, и мы все смеемся, особенно Перри. Руб ему нравится. Это точно. Людям нравится, когда говоришь, что думаешь. – Если убьют... – передразнивает мой брат.

– Один чуть не того, – заверяет его Перри, – просто ночь была жарче обычного. Тепловой удар, хотя не сильный. Тяжеловес.

– О.

– Так что, – улыбается Перри, – идешь?

– Не знаю. Мне надо поговорить с менеджером.

– Кто твой менеджер? – Пери лыбится и кивает в мою сторону: – Не этот цветочек?

– Никакой он не цветочек. – Руб наставляет на него палец. – Он неженка. – Потом серьезно: – Вообще-то он, может, и тощеват, но, говоря тебе, держать удар умеет.

И я обалдеваю. Рубен Л. Волф, мой брат, заступается за меня.

– Правда?

– Правда... Хочешь, проверь. Мы пойдем во двор и поиграем в «один кулак». – Руб смотрит на меня. – Перелезем и заберем Пушка, чтоб не брехал. Ему нравится смотреть с нашего двора, так ведь?

– Он любит, да.

Мне остается лишь подтвердить. Старика Пушка сердит как раз то, что он по другую сторону изгороди. Ему надо быть рядом, чтобы хорошо видно. Тогда все в ажуре. Он или наблюдает с интересом, или ему становится скучно, и он засыпает.

– Что еще за Пушок? – спрашивает Перри оторопело.

– Увидишь.

Мы с Рубом и Перри встаем и идем на задний двор. Мы надеваем по перчатке, Руб лезет к соседям и через забор подает мне Пушка, и «один кулак» сейчас начнется. По лицу Перри я понимаю, что ему нравится.

У нас по одной боксерской перчатке, но шпиг Пушок требует внимания и поглажки. Мы наклоняемся и гладим шавку-малышку. Перри смотрит. По виду он из тех, кто одним пинком отправит собачку вроде Пушка отсюда на Луну. А оказывается, не такой.

– Псина – позорище, – объясняет ему Руб, – но мы должны за ним присматривать.

– Иди сюда, парень.

Перри протягивает руку Пушку понюхать и сразу нравится ему. Пушок садится рядом с Перри, а мы с Рубом тем временем начинаем нашу игру в «один кулак».

Перри доволен.

Он смеется.

Лыбится.

Смотрит с любопытством, как я первый раз лечу на землю.

И радостно треплет Пушка, когда второй.

Хлопает в ладоши, когда я крепко угодяю Руба в челюсть. Славно так втыкаю.

Минут через пятнадцать мы останавливаемся.

– Ну, говорил я тебе? – спрашивает Руб, и Перри кивает.

– Покажитесь нам еще немного, – спокойно распоряжается он, – только поменяйтесь перчатками.

Похоже, он напряженно думает. Потом наблюдает, как мы с Рубом вновь тузим друг друга.

С не той перчаткой труднее. Мы оба пропускаем больше ударов, но мало-помалу входим в ритм. Описываем круги. Руби выбрасывает кулак. Я подныриваю. Отскакиваю. Прохожу на ближнюю. Хлесь! Достая в подбородок. И еще по ребрам. Он отвечает. Дыхание у него жесткое, его кулак обдирает мне скулу, потом попадает в горло.

– Прости.

– Норм.

Мы продолжаем.

Руб приваривает мне под ребра, вышибает дух. У меня вырывается беззвучный подвизг. Руб стоит.

Я тоже, но сломавшись пополам.

– Прикончи его, – командует Перри.

Руб выполняет.

Первым, придя в себя, я вижу уткнувшуюся мне в лицо собачьежуткую морду Пушка. Потом я вижу Перри, он лыбится. Потом вижу Руба, он встревожен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.